

**Мотивы женственности в советском женском дискурсе 1930-х гг.
(по материалам газет «Правда», «Омская правда»,
«Остяко-вогульская правда», «Красный Север»)**

В статье рассматриваются мотивы женственности в советской партийной печати 1930-х гг. На материалах партийных газет показано, как происходит конструирование образов новой женщины, образов экстравертной женщины-труженицы, активной гражданки, общественной деятельницы, женщины-матери. Советская женщина выступает созидателем новых общественных порядков, реализует себя вне личной жизни – в общественной сфере. Отсюда тенденция к маскулинизации, вытеснение собственно женских черт, женственности. Однако эти признаки женственности не исчезают, видимо и не могут исчезнуть совсем. Они находят отражение на страницах газет отчасти случайно, а применительно к образам угнетенной женщины Запада и намеренно, вызывая интерес и симпатии читателя. Их наличие позволяет говорить не только о «мужественном», но и о «женском» в женщине, о женственности, присущей советской социокультурной реальности 1930-х гг., женственности как теме советского женского дискурса.

Ключевые слова: женственность, образ женщины, гендер, советский дискурс, партийная идеология, периодическая печать

Антропологический поворот в современной историографии обусловил интерес к историко-гендерной проблематике. Мужественность и женственность в их социальном изменении стали объектом многочисленных изысканий. В каталоге РГБ на сегодняшний день значатся восемь десятков наименований монографий, диссертаций, сборников статей, значительная часть которых написана в историческом ключе. Пристальным исследовательским вниманием пользуется и дискурсивный аспект культуры, постепенно осваиваемый историками вслед за филологами, лингвистами. Широкое признание получило понимание дискурса как силы, способной конструировать новую действительность¹.

Наша работа посвящена выявлению и объяснению мотивов женственности в советском женском дискурсе 1930-х гг. При всей его гомогенности, задаваемой идеологией социалистического строительства, названный дискурс «говорил» разными языками, специфика которых сообщала ему свойства отнюдь не черно-белой картины. Идеологический канон популяризировался радио, периодикой, кинематографом, изобразительным искусством, художественным словом. При этом язык каждого из этих интерпретаторов также не являлся вполне однородным. Беллетристика и поэзия, театр и кино, живопись и в конце 1930-х гг. презентовали отнюдь не только ходячие образы. Даже советская периодика 1930-х гг. не ограничивалась разработкой исключительно «женской проблемы», но касалась и проблем женщин².

На сегодняшний день в научной литературе мы имеем десятки качественных работ, освещающих «женский вопрос» в партийной идеологии и практиках советизации, литературе, искусстве и периодической печати 1930-х гг. Отдельного упоминания, на наш

* **Киселев Александр Георгиевич** – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). E-mail: kiselev1954@mail.ru

** **Молданова Надежда Анатольевна** – научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). E-mail: nmoldanova@yandex.ru

¹ *Скочилова В. Г.* Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (19). 2012. С. 98.

² *Дашкова Т.* Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность, Новое литературное обозрение, М., 2013. С. 25.

взгляд, заслуживают монографии В. А. Каменево³ и Т. Дашковой⁴. Первая «прочла» тему применительно к периодике как лингвист. Вторая обратила внимание на соотношении канонов и образов, которые, еще только вырабатывались, на «оговорки» и «ошибки», иначе – отклонения от идеологически уже заданных образцов⁵. Отдельного упоминания заслуживает и статья М. Делалой, препарировавшей эмоциональную ткань политических конфликтов 1930-х гг.⁶

Что касается литературы, посвященной периодической печати, как источнику, нам близка точка зрения В. М. Рыноква, настаивающего на разнообразии газетных материалов и признающего печать самостоятельным источником только как их комплекс⁷.

Подводя черту в историографическом сюжете, отметим, что, несмотря на весьма значительное продвижение в изучении советского гендера, специальных работ, посвященных заявленной нами теме, тем более ее отражениям в партийной печати до сих пор не написано.

Объектом нашего внимания стали женские образы партийной печати, предметом – их собственно женские черты, определяемые как женственность и ее проявления.

Хронологические рамки работы – вторая половина 30-х гг. – предвоенная эпоха «зрелого сталинизма» с его вполне сложившимися знаками, символами, образами, официальным языком. Война существенно повлияла на советский дискурс в целом и на женский, в частности.

Настоящее исследование – это попытка ответить на вопросы:

– что представлял собой «канонический», задаваемый партийными документами, законодательными нормами и речами вождей образ советской женщины;

– почему, в каком контексте и в каком «статусе» (сознательно сформулированных положений или «оговорок») появлялись на страницах партийных газет символы женственности, насколько они вписывались или, напротив, противоречили советской «гендерологии».

Источниками послужили 8-ми мартовские номера⁸ газеты «Правда», а также местных газет – областной «Омской Правды» и окружных «Остяко-Вогульской Правды» и «Красного Севера»⁹. Анализ тематики и языка «женских» материалов названных изданий, в том числе количественный, стал основным методом исследования.

Для того чтобы наглядно представить тематические направления советского женского дискурса в нашем «партийно-газетном изводе», они показаны нами в виде таблиц № 1–4.

Составлялись таблицы следующим образом: по горизонтали первой строкой нами выделены основные темы заголовков, включая лозунги – информационные единицы. Всего таких тем 12. 13-я (XV столбец) «тема» – прочие, в 14-ой (XVI столбец) дано общее количество материалов за год.

Если сам по себе заголовок не содержал однозначного указания на тему публикуемого материала, этот заголовок идентифицировался по содержанию материала. В случае если в лозунге/заголовке/контенте отражались две темы (иди две доминирующие темы) – эта информационная единица делилась пополам, учитывалась как S дважды. По вертикали в I-ом столбце указаны годы, во II-ом – тексты (Т) и изображения (И).

³ Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование публицистического дискурса (на материалах советской прессы), Томск, 2009.

⁴ Дашкова Т. Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность // Новое литературное обозрение. М., 2013.

⁵ Дашкова Т. Телесность... С. 35.

⁶ Делалой, М. Эмоции в микромире Сталина: случай Николая Бухарина (1937–1938), типы большевистской мужественности и практика эмоций // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 431–456.

⁷ Рынок В. Периодическая печать: место в системе исторических источников. URL: <http://polit.ru/article/2010/08/09/periodika/> (дата обращения: 12.09.2018 г.).

⁸ Иные номера газет использовались в виде исключения.

⁹ Названные газеты – «Остяко-Вогульская правда» и «Красный Север» издавались соответственно в Остяко-Вогульском и Ямальском Ненецком национальных округах, входивших в 1934–1944 гг. в состав Омской области.

Таблица 1

Заголовки текстов и фотографии на «женскую тему» в газете «Правда»
(1936–1940)

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1936	Т	4	1		11			5	4		2		6	1	34
1936	И					1			4					1	6
1937	Т	3	1	1	2	2		2 ^{1/2}	1	1		2 ^{1/2}			16
1937	И	1					1	1	1				1		5
1938	Т	5				1			2	1	1			1	11
1938	И													2	2
1939	Т	5	1 ^{1/2}		1	2		2 ^{1/2}	1			2	1	2	18
1939	И		^{1/2}		1			2 ^{1/2}	1						5
1940	Т	4			1	3		1	1						10
1940	И							2							2
Тексты		21	3 ^{1/2}	1	15	8		11	9	2	3	4 ^{1/2}	7	4	89
Фото/рис.		1	^{1/2}		1	1	1	5 ^{1/2}	6				1	3	20

Таблица 2

Заголовки текстов и фотографии на «женскую тему» в газете
«Омская правда» (1936–1940)

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1936	Т	3	2 ^{1/2}		8		5	6 ^{1/2}	1	4		1	1	2	34
1936	И		1				^{1/2}	1 ^{1/2}	3						6
1937	Т	4	^{1/2}	4	3	2	3	12	5	3 ^{1/2}		2			39
1937	И		1			1	3								5
1938	Т	3				1									4
1938	И					1									1
1939	Т	3	2	1	1	3	1	9 ^{1/2}	2	2 ^{1/2}		1		1	27
1939	И					1	2		1	1					5
1940	Т	5	1				4	2	3	2			2	3	22
1940	И							2	3	1			1		7
Тексты		18	6	5	12	6	13	30	11	12	0	4	3	6	126
Фото/рис.		0	2	0	0	3	5 ^{1/2}	3 ^{1/2}	7	2	0	0	1	0	24

Таблица 3

Заголовки текстов и фотографии на «женскую тему» в газете
«Остяко-Вогульская правда» (1936–1940)

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1936	Т	4					1		1						6
1936	И						S		S						1
1937	Т	4	3		1	1			1				1		11
1937	И		S				1		S	1			1		4
1938	Т	3S	S	1	1										6
1938	И	1													1
1939	Т	3	2			3	3	4	7	2			2	2	28
1939	И	1							1					1	3
1940	Т	2						1	4	2			2		11
1940	И	1													1
Тексты		16S	5S	1	2	4	4	5	13	4			5	2	62
Фото/рис.		3	S				1S		2	1			1	1	10

Заголовки текстов и фотографии на «женскую тему» в газете «Красный север» (1936–1940)

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1936	Т	6			1/2		1/2	2 1/2	1	3 1/2				2	16
1936	И	1													1
1937	Т	7	4			10	2 1/2	1	1	1 1/2				3	30
1937	И						1	2		1			2		6
1938	Т	3													3
1938	И	1													1
1939	Т	3	1/2	1 1/2	1	1	2	2	1	1				2	15
1939	И	1					1					1			3
1940	Т	2		1	1			3	3	1		1	1		13
1940	И	1						1							2
Тексты		21	4 1/2	2 1/2	2 1/2	11	5	8 1/2	6	7		1	1	7	77
Фото/рис.		4	0	0	0	0	2	3	0	1		1	2	0	13

Примечания к таблицам № 1-4: I – годы; II – вид материалов (Т – тексты, И – фотографии и рисунки); III – общие материалы; IV – «национально-окрашенные» материалы; V – положение женщины «прежде и теперь»; VI – положение женщины в капиталистических странах; VII – борьба женщин за рубежом; VIII – материнство и семья; IX – женские профессии; X – ударницы труда; XI – женщины в органах власти и на общественной работе; XII – женщины на военной службе и в военных учреждениях; XIII – жены военных и специалистов; XIV – женщины, физкультура и спорт; XV – прочие публикации на «женскую тему»; сумма материалов за год; XVI – сумма материалов за год.

В концентрированном виде в газетах образ советской женщины был представлен в праздничных передовицах. В этих статьях выделяется несколько разно-уровневых образных типов. Первый и второй различаются по степени конкретности/абстрактности ипостасей образа женщины, третий выделяется определением ее состояния и перспектив, смысл четвертого раскрывается через ее общественно-значимые действия, пятого – через отношение и действия партии и правительства по отношению к ней, шестого – через сравнение ее положения с положением трудящейся женщины за рубежом и в царской России. Среди письменных образов и тем того времени:

1) женщина равноправная (в том числе в семье), труженица (треть великой армии труда, вовлечена во все отрасли, 18 млн в колхозах – большая сила), счастливая мать, гражданка, активная общественница, депутатка, горячая патриотка, орденосноска, друг;

2) политическая сила, строитель социализма, новый тип женщины, новые черты (смелость, творческое дерзание, упорство, выдержка, бесстрашие, беспредельно честное отношение к порученному делу, беззаветная любовь к родине), на любом участке вместе с мужчиной творит большие дела;

3) освобожденная, вольна выбирать путь по душе, перед ней открывается необъятное поле деятельности, уверенность в будущем, неисчислимы скрытые, непробужденные силы, готова защищать родину;

4) творит новую культуру труда, овладела самыми разнообразными, сложными профессиями, обрушивает свой гнев на троцкистов, учится у партии, делает все, чтобы родина развивалась, учится, овладевает наукой;

5) партия помогает женщине расти, государство поддерживает материнство, страна делит материнскую гордость за детей, требуется: усилить политико-воспитательную работу среди женщин; смело выдвигать на руководящую работу; привлекать к контролю за исполнением правительственных решений в отношении женщин; добиться искоренения религиозных предрассудков, особенно на Востоке; привлекать домохозяйек в общественное производство, в том числе к занятиям мужскими профессиями; вовлекать женщин в

партию; улучшить бытовые условия, чтобы женщина шире включалась в общественную жизнь;

б) характеристика положения трудящихся женщин за рубежом резко контрастировала с характеристикой положения советских женщин (голод, эксплуатация, бесправие, низкая рождаемость, детская смертность, попрание личности, проституция, самоубийства).

Обратимся к анализу основной части женских материалов. По характеру это тексты, изображения (фотографии и рисунки) и так называемые креолизованные тексты, совмещающие в себе собственно текст и изображение.

Для начала сразу отметим: признаки гендера, женственности в публикациях партийной печати были крайне редки. Характерен в этом отношении очерк «Омской правды» «Рассказ о любимой» (1935). Казалось бы, в материале под таким названием эмоциональная нагрузка, гендерные мотивы, приметы женственности должны были быть налицо. Однако, это был рассказ мужа о жене, ушедшей в лыжный поход Тюмень – Москва. «Самым» гендерно нагруженным местом рассказа стало его заключение: «Иван Васильевич говорит о жене *любовно* (здесь и далее выделено авторами), подбирая хорошие теплые слова. В каждом слове таится уважение к человеку, восхищение им. [...] Я за нее спокоен. В любую минуту, когда кто-либо посмеет напасть на нашу великую родину, я в ней уверен не только *как в жене – человеке близком мне интимно* (выделено авторами), но как в верном товарище, друге и хорошо подготовленном бойце. Конечно, бывают у нас и размолвки в семье, не без этого [...], но ведь милые бранятся – только тешатся. Так и моя жена. Крепко *люблю* ее, скажу без утайки, хотя и неловко об этом как-то говорить». «Так муж – боец рассказал о друге, о жене-товарище и бойце», – заканчивался очерк.

В целом, в полном соответствии с тезисами передовиц, в праздничных публикациях наших газет образ советской женщины предстает перед нами, главным образом, как образ труженицы, активной гражданки, общественной деятельницы, женщины-матери.

Раскрытию образа советской женщины немало способствовал и иной образ – образ женщины, который связывался официозом со странами капитала. Его предназначение заключалось в том, чтобы придать женскому дискурсу известный объем, конфликтность и динамичность, подчеркивая достоинства социокультурного статуса советской женщины от противного.

Женским профессиям и участию женщин в социалистическом соревновании посвящены 34,3 %, 27,8 %, 29,1 % от общего числа материалов в омской, центральной и остяковогульской «правдах» (в «Красном севере» – 19,5 %). Если же оставить за скобками публикации общего характера (III столбец), доля профессионально-трудовых материалов составит соответственно 39,0 %, 36,3 %, 37,3 % в «правдах» и 26,9 % в «Красном севере». Важно отметить и то, что материалы о женщинах труда появлялись в газетах, публиковавшихся в марте, ежегодно¹⁰. С точки зрения жанра – это личные истории, чаще краткие, как иллюстрации к тезису, скажем, об освоении женщинами новых профессий, реже пространные, в виде очерка («Женщина в науке», «Готовлю кадры», «Штурман воздушного корабля» – «Правда»; «Девушки водят машины», «Помощник машиниста», «На капитанском мостике» – «Омская правда»), статистические сведения, характеризующие занятость женщин в народном хозяйстве, отдельных отраслях.

Заметен акцент на новых для женщин, изначально «мужских» профессиях. «Омская правда» 1936 г. называет четыре таких профессии: железнодорожница, летчик, речник, охотник. В 1937 г. в газете фигурируют уже одиннадцать профессий: *слесарь*, трактористка, комбайнерка, формовщица, прессовщица, *инженер*, *шофер*, *капитан* речного судна, *агроном*, *киномеханик*, *милиционер*. Характерны в данном случае выделенные лексемы мужского рода, к которым широко использовавшиеся суффиксы *-ка*, *-ца*¹¹ оказались не применимы.

¹⁰ «Выпал» из общего ряда только 1938 г., видимо, «дезорганизованный» репрессиями.

¹¹ Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование... С. 101–102.

Особое место в профессиональной теме занимали военные. Военный мотив «женских материалов» (16,3 % в «Правде»), хотя и звучал время от времени, опирался на огромный массив публикаций о международных отношениях и внешней политике, напрямую перекликался с публикациями, посвященными гражданской войне в Испании и Китае и участию в них трудящихся женщин. Весьма характерно выглядят галереи фотографий в центральной «Правде» за 8 марта – женщины, так или иначе связанные с военным делом, все чаще становились героинями дня.

Таблица 5

Профессиональная принадлежность женщин, изображенных на праздничных групповых фотографиях газеты «Правда» (1936, 1937, 1939, 1940 гг.)

Год/ №№	1936	1937	1939	1940
1	стахановка завода	стахановка завода тепло-измерительных приборов	инженер-машинист паровоза	военный инженер, адъютант военной академии химической защиты
2	стахановка завода	бригадир тракторного отряда	танкист	старший конструктор завода
3	техник шахты Метростроя	инженер автобазы	танкист	звеньевая колхоза
4	монтажница Метрополитена	летчик-инструктор центрального аэроклуба	летчик-штурмовик	вырубковый машинист шахты
5	оператор станции Метрополитена	руководитель кафедры холодной обработки металлов Промакадемии	преподаватель артиллерийской академии	капитан звена истребителей
6	студентка индустриального института	жена офицера	член Верховного суда СССР	инструктор стрелкового спорта
7	слушательница военно-воздушной академии	артистка	океанограф	композитор
8	член ВЦИК		радист с о-ва Диксон	
9	комсорг школы			
10	парашютистка			

В публикациях, посвященных трудовой, профессиональной деятельности женщины, трудно найти какие-либо символы женственности. С известной долей условности можно указать на материал «Омской Правды» об А. С. Неудахиной, трудившейся стрелочницей на железной дороге (1936). Признанными причинами трудовых успехов ударников, стахановцев 1930-х гг. были рациональная организация рабочего места и порядка осуществления производственных операций¹². А. С. Неудахина не просто содержала рабочее место в образцовом порядке, но делала это «по-женски»: «в свежесмытой будке появились фиалки, на окнах – белоснежные шторы, на стене – новенькое зеркало. Чистота в будке и на пути стала неумолимым законом».

Столь же легкий намек на женственность находим в заметке закройщицы омской портновской мастерской А. Морозовой, описывающей поведение клиенток: «У журналов мод прямо целое производственное совещание. Толкуют какой выбрать фасон, какие кому нравятся рукава, какой лучше подойдет пояс» («Омская правда», 1936).

Женщине-активистке, гражданке, депутатке, руководителю в партийной печати, как и женщине-труженице, уделялось значительное внимание. По отношению к общему числу информационных единиц, и числу информационных единиц за минусом «общих», указанных в III столбце таблиц № 1–4, доля интересующих нас материалов составила в «Правде»

¹² Минаева О. «Мы теперь богато живем»: пропаганда стахановского труда в журнале «Работница» 1930 гг. // Медиаальманах. М., 2014. № 1. С. 43.

22,9 и 28,7 %, в «Омской Правде» – 14 и 15,9 %, в «Остяко-Вогульской Правде» – 8,3 и 11,7 %, в «Красном севере» – 15,0 и 20,7 %.

Тема общественной активности женщины раскрывалась через идущий красной нитью тезис о равноправии женщины и мужчины, через краткие информационные сообщения о деятельности женского актива, «статистические символы», определявшие ее масштабы¹³, а также с помощью личных историй роста и немногочисленных очерков о самой общественной работе женщины («Растет и ширится движение жен инженеров и техников», «Советская женщина» – в «Правде»; «Что меня радует», «Радость жизни» – в «Омской Правде»; «Женщина тундры советской» – в «Остяко-Вогульской Правде»; «Общественницы», «Успехи общественниц комбината» – в «Красном Севере»).

Женственность в материалах, показывающих, хотя и скрытое, как правило, общественное доминирование женщины, как ни странно присутствует. В виде конкретного примера женское, «материнское» в отношении к делу находим в заметке председателя сельсовета из Викуловского района Омской области Т. Васильевой. В начале каждого рабочего дня она не может отказать себе в посещении телятника – свою трудовую деятельность она когда-то начинала там: «заметила, как одна доярка поила маленького теленка обратом – сделала ей замечание». При подготовке документов, когда надо считать, она, малограмотная, привлекает на помощь четвероклассника Васю, которого называет «мой всегдашний помощник».

Женственность как слабость, ограниченные способности, подчинение мужчинам в материалах газет, посвященных общественной, руководящей деятельности женщин конечно не могла фигурировать прямо, но могла преподноситься и преподносилась как явление в связи с критикой мужского шовинизма. Так известная советская писательница В. Герасимова, разоблачала тип «дореволюционного, солидного и темного господина»/«субъекта в модной кепочке ... со своей собственной немудрой и подленькой философией “насчет баб” ... Это они великий рост женщин советской страны рассматривают как чуть затянувшуюся “чисто агитационную кампанию” и на практике подло и изобретательно мешают им занять пост бригадира, председателя сельсовета, руководителя колхоза». В устах В. Герасимовой эта эскапада олицетворяла иную женственность – женственность, как феминистское наступление.

Материнство – еще одна важнейшая составляющая образа советской женщины, воспитывающей своих детей с помощью советского государства. Понятно, что в этих публикациях «женственного» или «гендерно значимого», несколько больше, нежели в производственно-общественных материалах.

«Омская правда», в отличие от центральной и окружных газет, регулярно публиковала соответствующие материалы (12,3 % от общего числа женских материалов или 14,0 % за минусом общих материалов из III столбца). Их своеобразным девизом были «защищенное материнство», «защищенная женственность». Ниже приведены ключевые слова «материнских публикаций» областного издания.

1936 г.: 1) «Радостное материнство»: забота о человеке, расцвет пролетарского социалистического гуманизма, обезболивание родов в массовом масштабе; 2) «Забота о матери и ребенке»: двери консультаций и детских учреждений широко открыты перед трудящимися женщинами, но наряду с количественным ростом ясельной сети имеется еще недопустимое качественное отставание этой работы, счастливая советская страна добилась того, что появление на свет социалистического поколения не омрачается родовыми муками матери, которые считались неизбежными.

1937 г.: «Счастливое материнство. Калачинск»: многие колхозницы сразу просят, чтобы роды сделали без боли.

1939 г.: 1) «Колхозная акушерка»: родильный дом..., колхозницы отзываются о нем исключительно тепло, женщины-матери иногда вспоминают мрачное прошлое; 2) «Женщины

¹³ Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование... С. 111–115.

Севера»: ей даже не разрешали рожать детей в юрте, где жила семья, роды проходили обычно в «айкурте» – в маленькой холодной юрте, расположенной на задворках.

1940 г.: 1) «8 Марта – Международный женский день»: наша партия и правительство делают все для того, чтобы обеспечить счастлирое, радостное материнство; 2) «Гордость матерей» (о выросших и нашедших себя в жизни детях): «я рада, что сыновья мои служат родине, провожая в армию, наказывала, чтобы крепче берегли родную землю».

Обратимся к широко тиражированному образу женщины. Международный характер праздника 8 Марта регулярно подчеркивался партийной печатью. Двойной концепт «социализм/капитализм» играл роль контрапункта в советской идеологии. В рамках женского дискурса наряду с советской присутствовала женщина из капиталистического зарубежья, образ которой был средством привлечения советских женщин на сторону советской власти. В СССР партия обеспечила им равенство с мужчинами, помогла включиться в социалистическое строительство, обеспечила счастлирое материнство – все эти достижения были немислимы в условиях капитализма. Заголовки материалов «Омской правды» показывают основные коннотации концепта «женщина в мире капитала».

1935: труженицы капиталистических стран; под тройным гнетом: фашизм, безработица, бесправие; голодные матери; сколько стоит девушка; вчерашние рабыни.

1936: гнет, нищета, бесправие; ужасы страны восходящего солнца; в «свободой Америке»; все тяжелее жить; смерть от родов; работницы Греции; «будьте поласковее»; прислуга.

1937: долюшка женская; рожденные на кухне; рост самоубийств; женщины Испании.

1938: женщины республиканской Испании.

1939: нищета и бесправие – удел трудящейся женщины в странах капитала; героическая борьба женщин в Китае.

Наряду с социальными («бесправие», «гнет», «нищета») налицо и гендерно окрашенные заголовки, связанные с темой материнства, мужских домогательств и проституции. Образ «оскорбленной и униженной», гибнущей женщины здесь по-настоящему женственен. Эта женщина слаба, она ищет защитника, спасителя. Этот образ, весьма эмоциональный, лишь отчасти перебивается другим – образом борющейся за свои права, за демократию и социализм женщины.

Еще более яркие признаки женственности находим в сюжетах, посвященных гендерной политике фашистской Германии. Правда, подаются они в этом контексте в лучшем случае как нарочито-выдуманные, либо как негативные. Идеал фашистской женщины – мать, ведущая домашнее (= государственное) хозяйство, «узкий лоб и широкий зад». В ее судьбе – «голубиная кротость» и «печальная юдоль матери» («Правда», 1937: «Международный коммунистический женский день», «Женщины в Третьей империи»).

Женщина, занятая домом и детьми, тем более с голубиной душой, наполненной печалью, была не нужна ни Советской стране, ни советскому мужчине. Чувства подобные печали и меланхолии не относились к публично одобряемым эмоциям¹⁴.

В очерке «Раскрепощенный гений» В. Герасимовой образу чеховской «Душечки», сердобольной, любвеобильной женщины, способной жить только в любви и исключительно интересами и умом своих мужчин, противопоставляются образы советских женщин, живущих идейной убежденностью и любовью к своему делу, готовых соревноваться со своими мужьями. «Победила она... [...]. Так из глубоко осмысленного, согретого любовью и изобретательностью труда советской телятницы рождались рекорды, ставящие в тупик рачительных американских фермеров» («Правда», 1937).

Так гендерная тема женственности весьма невнятно и редко проговаривалась словом. Но она существовала также и в виде изображений.

В центральной и омской «правдах» около половины всех «женских» изображений посвящались женским профессиям и участницам социалистического соревнования, стаха-

¹⁴ Делалой М. Эмоции... С. 438.

новкам. Они не просто сообщали, но даже акцентировали внимание читателя на некоторых гендерно значимых чертах женских образов.

Прежде всего речь идет о короткой стрижке и прическах¹⁵ многих героинь труда и военных. Такое подчеркивание не только «советского», но и «модернового» характерно для многих фотографий в наших газетах. В «Правде» – это серия фотографий стахановок 1936 г., групповые фотографии 1939 и 1940 г., фотография Н. М. Власовой 1937 г., фотография с вечера молодых работниц 1938 г. В «Омской Правде» – это изображение жены командира (1935), известных в стране стахановок Демченко и Фоминой, снятых рядом со Сталиным, передовиков производства А. С. Неудахиной, Л. И. Карповой (1936), А. В. Тоярковой (1939), доярок колхоза «Родная долина» (1940).

Номера за 8 марта окружных «Остяко-Вогульской Правды» и ямальского «Красного севера» подобных изображений не дают. Но в других номерах встречаются и групповые фотографии, и индивидуальные портреты, на которых изображены девушки, женщины с короткой стрижкой¹⁶. Для культуры аборигенов Севера появление таких фигур олицетворяло глубокий кризис. Согласно традиционным представлениям манси, волосы нужны были человеку для того, чтобы, когда придется, добраться до подземного царства. У ханты волосы считались местом обитания одной из человеческих душ, а также могли служить в качестве жертвы. Сон, в котором виделось обрезание женских волос, считался признаком того, что кто-то умрет¹⁷. Наши информанты, взрослевшие в 50-е годы, свидетельствуют о конфликтах с матерями по поводу стрижки.

Короткая стрижка зачастую сопровождалась отказом женщин от традиционного платка, фактически от важнейшего обычая избегания¹⁸. Для традиционалистов это было разрушением естественного миропорядка, для партийного официоза – советизацией, для самой женщины – началом отхода от прежнего канона женственности, в том числе подчиненности мужчине, началом поиска новой женской идентичности.

Женственное начало, как ни парадоксально, отчетливо проступало и в фотографиях женщин-военных. Мундир, с одной стороны, мог сообщить женщине некоторую брутальность, с другой, выгодно подчеркивая фигуру, делал по-настоящему женственной, особенно в сравнении с работницами и колхозницами, изображения которых, обычно поясные, не отличались четкостью форм.

Обращает на себя внимание значительное число креолизованных «материнских» текстов. В сравнении с изображениями участниц социалистического соревнования, фотографии матерей с детьми обычно выигрывали в части эмоциональной нагрузки. Удачными были снимки в «Омской Правде» 1935, 1939 и особенно 1937 г. Однако в целом следует признать оценку Т. Дашковой женской журнально-газетной фотографии 1930-х гг. как «бесполой», «невинной», как фотографии, в которой основную нагрузку несет не собственно изображение, а текст под ним¹⁹. Это в значительной мере применимо к характеристике омских женских фотографий. Характерна в этом отношении фотография с изобра-

¹⁵ Дашкова Т. Телесность... С. 44.

¹⁶ Остяко-Вогульская правда 1937. 11 мая (фотография Елены Кавиной); 1939. 14 апр. (фотография Стешы Салтановой).

¹⁷ Молданова Т. А. Значение частей человеческого тела в сновидениях хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 9. С. 166–167. Молданова Т. А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001. С. 55.

¹⁸ Важным фактором в социальной сфере является регуляция половых связей. Отсюда развился обычай «избегания» между определенными категориями родственников. Женщина стыдилась показывать волосы и лицо старшему брату мужа и его отцу, поэтому при них низко опускала на лицо платок. Это делалось и в присутствии чужих мужчин. Будучи рядом с ними, она вела себя очень сдержанно, не говорила громко, не смеялась, и только с их уходом женщину как будто подменяли. Мужчины тоже избегали смотреть на нее прямо, а предназначенные ей слова говорили в пространство, как бы безадресно. Входя в помещение, где могла находиться «стыдящаяся» женщина, они предупреждали о себе покашливанием, чтобы та успела закрыться. (см.: Кулемзин В. М. Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. С. 19).

¹⁹ Дашкова Т. Телесность... С. 21, 23, 43.

жением матери и ребенка 1935 г. «Смысл» ее проясняет надпись: «Светлана – дочь командира Красной армии тов. Равико. – Светлана здоровый и жизнерадостный ребенок. Мать ее регулярно посещает консультацию № 4».

Завершая обзор женских изображений в газетах, отметим их полиграфическое несовершенство, зачастую фотографии и рисунки плохо смотрятся, особенно в местных омской и остяко-вогульской «правдах» и «Красном севере». Понятно, что низкое полиграфическое качество не способствовало демонстрации тонкости, изящества, полутонов женственности.

В литературе бытует представление о «маскулинизации» советской женщины²⁰. И это наблюдение справедливо. В нашей статье, однако, мы попытались обнаружить в советских газетах – советском официозе, пожалуй, в его наиболее «чистом» виде – следы «женственности». Партийная печать 1930-х гг. активно выстраивая новые образы, вытесняла «традиционные» женские качества – покорность, отзывчивость, эмоциональность, уступчивость, скромность – на второй план. Презентация женщины в материалах газет сводилась к четырем доминантам: передовая труженица, ответственный работник; деятельная активистка; мать-хозяйка; женщина социалистического мира. При этом три из них характеризовали женщину «вне семьи», а материнская доброта и забота о членах семьи рассматривалась как неотъемлемая часть идеологии нового женского предназначения, в тесной связи с идеей служения советскому государству. Собственно женственность либо «пробивалась» в газетных публикациях случайно, либо намеренно подавалась в качестве атрибута враждебного «капиталистического» мира, но, видимо вопреки замыслам партийных пропагандистов, выступала не столько предметом сарказма, сколько вызывала сочувствие и симпатии читателей. В этом состоял парадокс идеологии советского гендера.

Список литературы

Дашикова Т. Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность, М.: Новое литературное обозрение, 2013. 256 с.

Делалой М. Эмоции в микромире Сталина: случай Николая Бухарина (1937–1938), типы большевистской мужественности и практика эмоций // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли, М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 431–456.

Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование публицистического дискурса (на материалах советской прессы), Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. 148 с.

Кулемзин В. М. Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты, Новосибирс: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. 136 с.

Минаева О. «Мы теперь богато живем»: пропаганда стахановского труда в журнале «Работница» 1930 гг., Медиаальманах, М.: Центр содействия развитию региональных факультетов журналистики «Партнерство факультетов журналистики», 2014. № 1. С. 40–48.

Молданова Т. А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 354 с.

Молданова Т. А. Значение частей человеческого тела в сновидениях хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 9. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. С. 166–171.

Рышков В. Периодическая печать: место в системе исторических источников. URL: <http://polit.ru/article/2010/08/09/periodika/> (дата обращения: 12.09.2018 г.).

Скочилова В. Г. Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3(19). С. 93–102.

²⁰ Делалой М. Эмоции... С. 449.

A. G. Kiselev, N. G. Moldanova***
Motives of Femininity in the Soviet Female Discourse of the 1930th years
(Based on the Materials of the Newspapers «Pravda», «Omskaya pravda»,
«Ostyako-vogulskaya pravda», «Krasnyi sever»)

The article deals with the motives of femininity in the Soviet party press of the 1930s. On the materials of the party newspapers the article shows the construction of the images of a new woman, an extrovert hard-working woman (a toiler, active citizen, public activist, and mother). The Soviet woman acts as the creator of new social order; she finds her personal fulfillment beyond her personal life – in the public sphere. This fact is the cause of the tendency to masculinization, the displacement of female traits and femininity. However, these traits of femininity do not disappear, and, probably, they cannot disappear altogether. They are reflected on the pages of newspapers, sometimes occasionally or even deliberately (if it had to do with the the images of an oppressed woman of the West), causing interest and sympathy of the readers. Their presence allows speaking not only about the "masculine", but also about the "feminine" in a woman, about the femininity inherent in the Soviet socio-cultural reality of the 1930s, about femininity as the theme of the Soviet women's discourse.

Key words: femininity, the image of women, gender, Soviet discourse, party ideology, periodicals

Статья поступила в редакцию 18.09.2018

* **Kiselev Alexander G.** – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (Khanty-Mansiysk). E-mail: kiselev1954@mail.ru

** **Moldanova Nadezhda A.** – Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (Khanty-Mansiysk). E-mail: nmoldanova@yandex.ru